

Культура. -2004. -15-21 апр.с.9

"Жизнь – это вечность в миниатюре"

Концерт Клаудио Аббадо в Санкт-Петербургской филармонии

Дирижирует К.Аббадо

Чтобы поверить заглавию, заимствованному у великого американца (Ральфа Эмерсона), "...надо жить без самозванства./ Так жить, чтобы в конце концов/ Привлечь к себе любовь пространства./ Услышать будущего зов" (Борис Пастернак). Вечно, вечность (ewig, Ewigkeit) – любимые, сокровенные слова Густава Малера.

Чтобы разделить с композитором благоговение перед продолжающейся жизнью, смирение перед неизбежной смертью, надо, подобно Клаудио Аббадо, обрести высшую мудрость на склоне лет... Но чтобы играть "на разрыв аорты", на пределе юных, нерастраченных сил, с тем музыкантским и человеческим единением, которое превращает оркестр в "одного великого артиста" (Антон Рубинштейн), надо быть молодым, надо верить в то, что музыка больше, чем профессия, – жизненное предназначение.

Единственный петербургский концерт Молодежного оркестра имени Густава Малера, основанного Аббадо в 1986 году, напомнил гастроль дирижера восьмилетней давности во главе Симфонического оркестра Берлинской филармонии. В игре берлинцев тогда поразил прямо-таки студийный перфекционизм, подстегиваемый современной индустрией цифровой звукозаписи, "эталонными" компакт-дисками. Находились критики, которые даже заговорили, поминутно, о некоей музыкальной "машинерии"...

Вот уж чего не скажешь о Молодежном оркестре! Достаточно одного взгляда, чтобы понять: в основе точности и чистоты ансамбля не пресловутые "умеренность и аккуратность" и тем более не слаженный механизм. Размашистые, на грани риска, и вместе с тем удивительно единые штрихи струнных, огонь в движениях и в глазах, обращенных к дирижеру, – они видны, они не могут быть не замечены из зала!

Может показаться странным, что я заговорил о своих визуальных впечатлениях прежде, чем о музыке. Но вот Игорь Стравинский не жаловал снобов, отворачивающихся от испол-

нителей, закрывающих глаза при слушании: пластика музыканта, дирижерский жест, руки на клавиатуре или полет смычки – неотъемлемая часть музыки, особенно тогда, когда они поразительным образом с ней сливаются, не только порождая, но и продолжая ее...

Едва войдя в зал, заведоматаи филармонии заметили непривычное расположение оркестра – амфитеатром, на верхних ступенях которого располагались ударные и медь, уступами громоздились контрабасы... Подумалось тотчас: это и зрелищно, и разумно, – перед вами словно "распахнута" грандиозная малеровская партитура (знатоки потому и предло-

чатют слушать на хорах, откуда открывается "вид сверху"), но ведь и акустически чрезвычайно важно: "духовенство", не заслоненное спинами впереди сидящих струнников, обращено к вам – и растрембами своих инструментов, и – снова скажу – глазами! Особенно при обилии сольных высказываний, коими полны симфонии Малера.

Программа, задуманная Аббадо, по-своему уникальна. Ее открывало "Прощание" (Der Abschied), завершающее "Песню о земле". Моментальный получасовой финал симфонии-кантаты прозвучал с той "последней прямоотой", с которой композитор – знавший, что он безнадежно

болен, – прощался с жизнью. Но как художник и верующий католик, Малер воспел нерасторжимую триаду: жизнь – смерть – бессмертие, воспел вечную жизнь человеческого духа и его прекрасную земную обитель. Как творец он умел отделить свет от тьмы, длинные тени закатного пейзажа от видений голубого неба. Остается только восхищаться тем, как умели это почувствовать и передать в своих солах и в прозрачной оркестровой ткани юные музыканты, ведомые Маэстро. Пение Анны Ларссон, исполнявшей сольную партию, отличают идеальное звуковедение, безукоризненная филировка звука, позволяющие передавать его

бесчисленные градации, разрастания и угасания. Но главное – за всем этим вокальным совершенством – глубина и проникновенность... "Тихий" до-мажорный апофеоз, хрустальные звуки челюсти, истаивающее, шестикратно повторенное "ewig" ("вечно")...

"Как-то я вновь проиграл Девятую Малера: первая часть – лучшее, что написал Малер. Это – выражение неслыханной любви к этой земле, страстное желание в мире жить на ней, еще и еще раз до глубочайшей глубины насладиться ею, природой, – пока не придет смерть. Ибо она неудержимо приближается!" Эти слова Альбана Берга можно было бы взять эпиграфом к программе, задуманной Аббадо. В ее рамках (да и, как мы теперь знаем, в жизни самого Малера) финал "Песни о земле" был прологом к Девятой. Именно эта последняя завершенная симфония композитора, благодаря разнообразию заключенных в ней состояний и форм движения, позволила по достоинству оценить Молодежный оркестр, носящий имя Густава Малера. И грандиозная, волнами накатывающаяся первая часть, и грубый, "неотесанный" (словечко Малера) лендлер, и лихорадочное Рондо-бурлеск, и гениальное Адажио исполнены были с такой предельной самоотдачей, какую не часто услышишь и у лучших "взрослых" коллективов. При почти двойном составе струнных (назову только одну цифру: 12 контрабасов!) впечатляла необычайная слитность, компактность звучания и, должно быть, породившая их (или рожденная ими?) фантастическая экспрессия.

...Когда замерли последние еле слышные звуки Адажио – словно еще раз повторенные интонации прощального "ewig" из "Песни о земле" – Клаудио Аббадо долго не опускал руки, музыканты не снимали смычков с грифов. Это была благоговейная минута молчания. А потом зал взорвался нескончаемой овацией.

Иосиф РАЙСКИН
Санкт-Петербург

Чертовщина на светлом празднике

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Впрочем, стоп. Прервем полет фантазии и вернемся на твердую московскую почву, где неутомимый маэстро открывает программу Третьего Пасхального "Классической" симфонией Сергея Прокофьева. В фестивальной программе – все семь прокофьевских симфоний (Пятая и Седьмая, правда, прозвучат лишь в Нижнем Новгороде и Ярославле). В Первой оркестру немного не хватает легкости, что, впрочем, и неудивительно сразу после двух представлений "Носа" за один день. На следующий вечер она появится – в Концерте для скрипки

с оркестром Игоря Стравинского, блистательно сыгранном знаменитым греком Леонидасом Кавакосом, ставшим одним из главных героев двух первых программ. Помимо Стравинского Кавакос играл Концерт Яна Сибелиуса и реласдио "Цыганка" для скрипки с оркестром Мориса Равеля, покориw московскую публику не только своей виртуозной техникой, но и яркой музыкантской индивидуальностью.

Кульминацией первого концерта стала Вторая симфония Сергея Рахманинова, исполненная с таким эмоциональным накалом, что на протяжении пятидесяти с лишним

минут было буквально не перевести дух. Вместе с тем интерпретация Гьргиева казалась слишком уж взвинченной, всклокоченной, порой хотелось хоть немного акварельных красок. Малеровское начало, подспудно существующее в этой симфонии, у Гьргиева часто выходило на первый план, затеняя, казалось бы, более очевидное влияние Чайковского. Впрочем, коль скоро сам Гьргиев оправдал одной из тем нынешнего фестиваля "русскую музыку в контексте европейской культуры", подобный крен в интерпретации Рахманинова оказывается по-своему логичным.

Во втором концерте, состоявшемся на другой вечер в Большом зале консерватории, кульминацией стала Третья симфония Прокофьева. Многие моменты этой симфонии, созданной на основе музыки оперы "Огненный ангел", живописуют бесовский шабаш и другие эпизоды с участием демонов. Гьргиев являл все это слушателям столь рельефно и с такой титанической мощью, что трудно было не поддаться наваяденно (а в ушах так и звучали слова булгаковского Воланда: "... поверьте хоть в то, что дьявол существует!").

Многие недоумевают и даже возмущаются: как можно на Пасхальном фестивале исполнять всяких там "огненных ангелов", "чародейку", "ночи на Лысой горе" и прочую чертовщину? Но Валерий Гьргиев всегда и везде делает то, что хочет и находит нужным, не считаясь ни с какими условностями. А что касается названия фестиваля, так ведь есть еще и программы хоровой музыки, и Звонильная неделя, а в нынешнем году также и Дни Баха в Москве (со "Страстями по Матфею"). Так что баланс соблюдается.

Дмитрий МОРОЗОВ